
РАЗМЫШЛЕНИЕ НАД КНИГОЙ

Социологи читают историков, историки читают социологов¹

Рецензия на книгу: Килин А.П. (2018)

Частная торговля и кредит на Урале в годы НЭПа:

экономические, политические и социальные аспекты:

Монография. Екатеринбург: Издательство Уральского университета.

Н.В. ВЕСЕЛКОВА*

***Наталья Вадимовна Веселкова** – кандидат социологических наук, доцент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина. Адрес: 620002, Екатеринбург, ул. Мира, д. 19. E-mail: vesselkova@yandex.ru

Цитирование: Веселкова Н.В. (2021) Социологи читают историков, историки читают социологов // Мир России. Т. 30. № 1. С. 173–188. DOI: 10.17323/1811-038X-2021-30-1-173-188

В том, как историки и социологи читают друг друга и используют прочитанное, можно выделить несколько устойчивых вариантов – от претендующей на фундаментальную интеграцию исторической социологии до использования историками социологических теорий и эмпирических данных. Наряду с обогащением концептуального и эмпирического аппарата и другими полезными эффектами подобные пересечения сопряжены и с определенными проблемами. Предложенная (микро)типология взаимопересечений историков и социологов служит контекстом для размышлений над книгой историка Алексея Килина «Частная торговля и кредит на Урале в годы НЭПа: экономические, политические и социальные аспекты». Основополагающее и глубоко фундированное авторское высказывание о НЭПе как модели управления построено на основе теории моделирования; обращение к теории социального конструирования реальности выглядит не столь убедительно, но подталкивает к осмыслению эпохи НЭП в соответствующем ключе.

Ключевые слова: историческая социология, социальное конструирование реальности, Урал, НЭП, биографический метод, визуалистика

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) (проект № 18-011-00456 А, 2018–2020 гг. «Масштабирование социальной памяти поколений в городах “старой” и “новой” индустриальности»).

На одной конференции, где были в основном историки, ведущий полшутя-полу-всерьез предварил мое выступление, определив социологов как младших братьев историков. Социология действительно моложе и амбициознее, ее отношения с «собратьями» колеблются, как показывает, например, Б.Н. Миронов, от мечты о слиянии в одну науку до равнодушия и даже нарочитой отчужденности [Миронов 2004, с. 55]. Рабочие соприкосновения между тем весьма разнообразны – от незначительных вкраплений до попыток фундаментальной интеграции. Настоящее эссе начинается с (микро)типологии таких пересечений, служащей контекстом для размышлений над книгой историка А.П. Килина «Частная торговля и кредит на Урале в годы НЭПа: экономические, политические и социальные аспекты» [Килин 2018]. Сразу отмечу: книга состоялась, ее можно уверенно рекомендовать, а главное – в ней есть что обсуждать.

Три варианта взаимодействия истории и социологии, на которых хотелось бы остановиться, условно располагаются в порядке от фундаментально-теоретического до эмпирического. Со стороны социологов – это (1) историческая социология, со стороны историков – использование (2) социологических теорий и (3) эмпирических социологических данных. Список, безусловно, не исчерпывающий и асимметричный², однако именно такой расклад оказывается удобен для обозначенных задач.

(1) Социологии имманентна историческая чувствительность; это сильное заявление принадлежит нидерландским социологам Гансу ван дер Лоо и Вилему ван Райену; отказ же науки об обществе от изучения процессов большой длительности они считают досадным побочным эффектом критики эволюционизма, позднее преодоленным вновь проснувшимся интересом к истории [Лоо, Райен 2001, с. 43–44]. Думается, что в немалой степени этим пробуждением мы обязаны не только многочисленным «поворотам», но и «буму памяти», основательно встряхнувшим социальные и гуманитарные науки в конце XX в.

Историческая социология, обещающая максимальную степень интеграции истории и социологии, в конце 1990-х гг. в России делала впечатляющие шаги, включая первую докторскую диссертацию [Черных 1997] и знаковое открытие в 1998 г. в журнале «Социологические исследования» рубрики «Историческая социология» [Тощенко 1998; Романовский 2000, с. 10; Романовский 2018, с. 79–80]. Своим распространением в русскоязычной отечественной науке историческая социология во многом обязана Н.В. Романовскому. Однако если в начале речь шла об обращении «социологов к социальному материалу прошлого, к соответствующим документам, источникам и методам при сохранении качественной специфики социологического знания» [Романовский 1998, с. 7], то в дальнейшем акцент переносится на усиление историчности и временной компоненты в целом при работе с «обычными» социологическими объектами. Этот момент выделяет в своей рецензии на монографию Н.В. Романовского «Историческая социология» [Романовский 2009] и О.Н. Яницкий, цитируя определение сути исторической социологии как связанной «не столько с приложением социологии к анализу прошлого, сколько с социологически устанавливаемой связью проблем прошлого и настоящего (правомерна проекция этой связи и на будущее)» [Яницкий 2009, с. 142].

По истечении 20 лет отечественная историческая социология обнаруживает скорее недоиспользованный потенциал, чем системные успехи

² Например, отсутствует формат анализа современной ситуации с помощью сопоставления с реалиями прошлых веков, блестяще продемонстрированный, например, в [Кордонский, Плюснин 2018].

[Романовский 2018, с. 83]. Думается, продуктивным витком может стать более тесное взаимодействие в сфере эпистемологии и философии истории. Интенция исторической социологии хорошо рифмуется с текущим переосмыслением анахронизма, обусловленным новым прочтением «политики времени» Й. Фабиана [Олейников 2016; Олейников (1) 2018; Олейников (2) 2018; Кобылин 2016]. Актуальной представляется и критическая рефлексия общих ограничений истории и социологии, в силу которых из зоны сомнений выводится когерентность, внутренняя преемственность эмпирического объекта (на радикальной проблематизации которой настаивали постмодернистские теоретики).

(2) Историки, со своей стороны, не просто применяют социологические теории, иные из них (не побоимся пафоса) делают достоянием широкой общественности малоизвестные социологические идеи. Так, например, И.В. Нарский в своей «Фотокарточке на память» знакомит читателя с подходом немецкого социолога Штефана Гушкера, изложенным в его диссертации [Нарский 2008, с. 137–142, 162–168 и др.]. Другой пример из И.В. Нарского – будоражащая попытка примерить концепцию модернизации Г. ван дер Лоо и В. ван Райена к российской (конкретнее, уральской) «жизни в катастрофе» 1914–1921/22 гг. (по названию известной книги Игоря Владимировича [Нарский 2017; Нарский 2001]).

Обновленный взгляд на модернизацию, предложенный Г. ван дер Лоо и В. ван Райеном в книге 1992 г., уже вводился косвенно в русскоязычный оборот реферативным журналом ИНИОН в 1998 г., но довольно подробно в обзоре работы П. Бергера [Гирко 1998, с. 59–61] и непосредственно публикацией перевода фрагмента книги журналом *Ab Imperio* в 2001 г. [Лоо, Райен 2001], однако достаточного распространения он не получил³. Возможно, поэтому И.В. Нарский ссылается на немецкий текст исторического сборника о городах Восточной Европы [Goehrke, Pietrow-Ennker 2006], взявшего на вооружение трактовки модернизации от социологической классики до концепций Г. ван дер Лоо и В. ван Райена и других. Тем самым статья И.В. Нарского продвигает и идеи социологов, и сам этот сборник, в котором, между прочим, представлены кейсы о Великом Новгороде, Нижнем Новгороде и Перми. При этом неизбежно или нет в процессе применения происходит упрощение и уплощение исходной теории: если Г. ван дер Лоо и В. ван Райен, с одной стороны, подчеркивают связь с базовой схемой системы действия Парсонса, с другой, настаивают на парадоксальности всех аспектов модернизации [Лоо, Райен 2001, с. 56–64], то у И.В. Нарского эти концептуально важные моменты теряются.

(3) Историки охотно используют доступную социологическую эмпирику для добавления деталей в реконструируемую картину: главным образом, это материалы исследований советского периода. Так, четырехтомник Б.А. Грушина, аккумулирующий данные массовых, хотя и нерепрезентативных прессовых опросов, стал настоящей энциклопедией таких сведений⁴. Заметим, что понимание

³ Судя, например, по ничтожному количеству ссылок на публикацию Г. ван дер Лоо и В. ван Райена 2001 г. в системе *Google Scholar* (три на 2019 г.).

⁴ Ее материалы хорошо вписываются в тексты историков о советской повседневности (напр., [Орлов 2010; Лебина 2014; Лебина 2019]) и исследования отдельных социальных групп: молодежи, женщин, стилияг [Дриленко 2010; Винниченко, Днепровская, Рыженко 2011; Ципурский 2013]. О.Г. Герасимова прибегает к данным грушинской энциклопедии в своем богатом на разнообразные источники труде о студентах Московского университета периода «оттепели» и «заморозков» [Герасимова 2015].

репрезентативности у историков и социологов зачастую в корне расходится: если в социологии она строится на равной вероятности попадания всех членов генеральной совокупности в выборочную, то у историков самой близкой оказывается трактовка репрезентативности как свойства комплекса разноплановых массовых источников⁵. (Сказанное не означает, конечно, что в исторических трудах совершенно отсутствует статистически обоснованное воплощение репрезентативности; блестящим примером такового выступают работы нижнетагильской Лаборатории исторической информатики под руководством профессора В.М. Кириллова.) На этом фоне особенно важно, что, тщательно описывая методологию каждого исследования, Б.А. Грушин отдельно оговаривает нерепрезентативность многотысячных газетных опросов [Грушин 2001, с. 61–64, 161].

Следующий логичный, хотя и весьма смелый шаг, – проведение историками собственных опросов, расцвет которых пришелся, судя по всему, на вторую половину 1990-х гг. и вылился в публикациях нулевых. Так, Ю. Аксютин активно использует данные анкетирования «свидетелей и очевидцев событий 1953–1964 годов», осуществленного в 1994–1999 гг. его студентами среди «своих родителей, близких и дальних родственников, просто знакомых и даже случайных встречных» [Аксютин 2004, с. 6, 14]. Н.В. Мельникова в дополнение к цифрам 1968 г. из архива группы социологических исследований комбината «Электрхимприбор» в ЗАТО г. Лесной провела ретроспективный опрос жителей этого города [Мельникова 2006], ее работа оказалась ценным источником для подготовки британского издания об истории Урала, получив высокую оценку его автора П. Дюкса [Dukes 2015]⁶. Если историков при этом справедливо вдохновляет небанальное приращение информации, то социологу бросается в глаза отсутствие описания процедурных характеристик социологических исследований. В целом можно сказать, что социологическая эмпирика является вспомогательным материалом, который в подобных случаях используется для источниковой триангуляции и внешней валидации выводов, построенных на основном корпусе источников.

Книга А.П. Килина тяготеет ко второму варианту – применение теории (в работе фигурируют материалы ряда анкетных обследований, но они не рассматриваются как социологические). Издание поддержано грантом РНФ «Раннесоветское общество как социальный проект: идеи, механизмы реализации, результаты конструирования»⁷, где немалые надежды, как кажется, возлагались на теорию социального конструирования реальности, но в итоге бразды правления достались социальному проектированию⁸.

Теория социального конструирования реальности у А.П. Килина заявлена, поскольку позволяет реконструировать модель (процесс разработки и модифика-

⁵ «Репрезентативным может считаться лишь документальный комплекс в целом, обладающий необходимой фактической насыщенностью» [Зубкова 2000, с. 14].

⁶ См. об этом: [Веселкова 2016].

⁷ Всего в рамках этого исключительно продуктивного проекта вышло 6 сборников, 5 монографий, 1 сборник документов и целый ряд статей, согласно сайту проекта: <https://idun.urfu.ru/ru/pro/rosp/articles/>

⁸ Если в сборнике по материалам первой конференции социальное проектирование и социальное конструирование были представлены в двух равноправных вводных главах [Мазур 2016; Горбачев 2016], то в итоговом двухтомнике структура теоретической главы недвусмысленно демонстрирует, как проектирование поглощает, втягивает в себя вариации конструирования: социальный проект – теории конструирования социальной реальности – социальный проект как исторический факт [Мазур 2018, гл. 1].

ции различных моделей) управления раннесоветским обществом, прежде всего в части экономических отношений; об этом говорится как в одной из предшествующих статей⁹, так и в самой монографии [Килин 2017, с. 223; Килин 2018, с. 24]. По сути, конструирование понимается как воплощение в жизнь некоего образца, нечто очень похожее на управление как рациональное воздействие на объект [Килин 2018, с. 26]. Интрига заключается (только) в том, а) реален ли образец или воображаем и б) насколько податливой или агрессивной будет среда. Так, работая с понятием многоукладности, автор приходит к выводу о конструировании уклада путем модификации под воздействием сопротивляющейся среды, первоначальной идеи вплоть до своей противоположности, как было с «советским социализмом» [Килин 2017, с. 225; Килин 2018, с. 38]). Очевидно, что от П. Бергера и Т. Лукмана в такой трактовке ничего не остается, поскольку в их понимании конструирование социальной реальности не имеет в виду ни какой-либо изначальной задумки, ни специально выстроенных усилий. Действуют ли люди целерационально, ценностно, аффективно или по привычке – конструирование все равно происходит, потому что не может не происходить, это способ существования реальности.

Соответственно обращение к первоисточнику¹⁰ происходит лишь дважды и далеко не в фундаментальном ключе. Первый раз – в начале монографии при обосновании выбора эмпирического объекта (кроме того, что Уральская область (1923–1934) служила испытательным полигоном реформ административно-территориального деления) – это место проживания автора, т. е. реальность *par excellence*, по Бергеру и Лукману (приводится цитата), – верховная реальность повседневной жизни [Килин 2018, с. 69]). Второй раз – в конце книги, где в связи с хронологическим принципом построения автобиографий А.П. Килин вновь цитирует классиков [Килин 2018, с. 543], хотя темпоральная упорядоченность сознания – совсем не их открытие и не самое важное в разделе «Социальное конструирование реальности», где акцентируются фактичность и принудительность темпоральной структуры повседневной жизни [Бергер, Лукман 1995, с. 50]. Вообще, эта теория совсем не о том, что реальность можно произвольно «конструировать», как бы ни подталкивали к подобному пониманию обыденные коннотации.

Обсуждаемый термин появляется в заключительном параграфе 5.5 «Лишение избирательных прав как метод социального конструирования», само название которого четко выражает обозначенное выше понимание конструирования как целенаправленного воздействия субъекта (большевиков в данном случае) на объект (определенные категории граждан), иными словами, управления в его стратегической и тактической ипостасях, что делает понятие конструирования вообще излишним. Действительным концептуальным инструментом у А.П. Килина выступает совсем не социальное конструирование реальности, а общенаучная теория моделирования, именно ей отведен параграф 1.2 «Моделирование как метод исследования» в первой методологической главе, рассматривающей НЭП как модель

⁹ Книга вобрала в себя ряд предшествующих публикаций автора: в 12-страничном списке литературы тексты А.П. Килина занимают две страницы; по этим работам можно проследить векторы развития темы, аккумулированной монографией.

¹⁰ Очевидные для социологов П. Бергер и Т. Лукман напрямую в таком качестве не названы, но и иных первоисточников не дано.

управления: именно здесь коренится основополагающее авторское высказывание, которое в последующих четырех главах детально разворачивается.

Другим теоретико-методологическим инструментом служит идея о насилии/ деньгах/ доверии как базовых источниках государственной власти, по Дж. Малгану. Это, конечно, не совсем М. Вебер, но он тут явно проглядывает, тем более что и сам Дж. Малган активно ссылается на веберовские лекции зимы 1918/1919 г. («Политика как призвание и профессия»), где выведена знаменитая триада «оснований легитимности» – традиция – харизма – закон.

Для целей А.П. Килина трином Дж. Малгана представляется вполне релевантным и достаточным: доминирование насилия либо ресурсов, либо доверия как институтов власти наряду с «масштабируемостью решаемых задач в пространственном измерении» используются для выделения четырех этапов переходной эпохи (1895–1936 гг.), дифференцированных в т. ч. по приоритетам акторов преобразований [Килин 2018, с. 13–24]. Восхождение к М. Веберу, скорее всего, здесь было бы избыточным, но для читательских размышлений весьма уместно, если вспомнить, что М. Вебер – современник изучаемого периода (по крайней мере, этапов 1895–1917, 1917–1921 гг.), его издавали как в Российской империи, так и в советской России, и сам он живо интересовался происходящим в нашей стране. В своем социологическом определении государства (не из содержания деятельности, но из физического насилия как средства) М. Вебер апеллирует не к кому иному, как к Л.Д. Троцкому (к его высказыванию в Брест-Литовске – «Всякое государство основано на насилии») [Вебер 1990, с. 645].

Призрак М. Вебера направляет наши взоры и к исторической социологии¹¹. На М. Вебера закономерно опирается в своем цивилизационном анализе и Й. Арнасон, современный авторитет в исторической социологии [Арнасон 2011; Арнасон 2013]¹², чьи идеи в свою очередь весьма продуктивно работают в анализе «консервативной революции» в сфере художественной культуры в межвоенный период у Т.А. Кругловой [Круглова 2017] (не тот же самый, но близкий период, который интересует А.П. Килина¹³). Все они – М. Вебер, Й. Арнасон и другие – представляют собой возможные нити к теоретическому осмыслению книги А.П. Килина «Частная торговля и кредит на Урале в годы НЭПа: экономические, политические и социальные аспекты».

Социальная актуальность, горизонты сравнения и лейтмотив

Книга А.П. Килина учит тому, что как бы глубоко в прошлое ни погружал нас труд историка, повествование всегда ведется из настоящего. Первая же страница первой главы провозглашает аналогию 1917 и 1991 гг., когда «имели место именно революции» (признаются, правда, большая глубина и скорость преобразований в 1917 г.) [Килин 2018, с. 12]. Эта мысль важна для автора, и более точной анало-

¹¹ Веберовский номер журнала «Социологическое обозрение» вновь актуализирует его наследие, в т. ч. и в этой перспективе [Социологическое обозрение 2019].

¹² См. о нем: [Масловский 2011; Масловский 2014].

¹³ Й. Арнасон, кстати, как и А.П. Килин, прибегает к понятию модели для анализа советского общества.

гией 1990-х гг. ему видится НЭП. Идея сопоставления заслуживает развития, но пока она только заявлена на уровне отдельных ключевых тезисов как утверждение о том, что оба периода отличает ширина амплитуды колебаний в действиях власти [Килин 2018, с. 125].

Время, с которым действительно сравнивается НЭП (на предмет товарооборота в Уральском регионе), – это период до Первой мировой войны. Обоснованием сравнения именно этих этапов открывается вторая глава книги, в первом параграфе которой даются экономическая характеристика региона и специфика направленности торговых потоков в довоенный период [Килин 2018, с. 126–136]; в следующем параграфе уже в сравнительном ключе проанализирован товарооборот в годы НЭПа [Килин 2018, с. 137–164]. И хотя довоенная картина напоминает увертюру к основному рассказу, автор обращается к сравнению с ней на протяжении всей книги.

Ощущение интродукции, выполняющей сугубо служебную функцию предистории, возникает из-за того, что источниковая база описывается подробно и обстоятельно только во втором «нэповском» параграфе [Килин 2018, с. 137–142], обозначая как исследовательский подход через взгляд сверху, сквозь систему государственного учета, так и саму систему – налоговую статистику, материалы товарных бирж, местных отделов торговли, данные переписей, отчеты ярмарочных комитетов; отдельно оценивается транспортная статистика и транспортная сеть Урала, а также меняющееся административно-территориальное деление. Формально это источники для второй главы («Торговля в региональной экономике»), но фактически – для всей монографии. Судебно-следственные дела здесь только упомянуты, хотя автор прибегает к ним уже в следующем параграфе, а в концентрированном виде, включая описание источников, они представлены в большом подпараграфе четвертой главы «Дело Свердловского окружного финансового отдела» [Килин 2018, с. 422–455]. Также отдельно характеризуются некоторые другие виды источников – сводки ОГПУ [Килин 2018, с. 378–386], массив личных дел «лишенцев» из фонда облисполкома ГАСО [Килин 2018, с. 538–541].

Исследовательский вопрос, этот главный нерв и лейтмотив всей работы, проблематизирует роль частной торговли: является ли она нейтральной, положительной или отрицательной для социализма («безучастный попутчик, спаситель или могильщик» [Килин 2018, с. 10]). Ответ сформулирован в заключении: частная торговля оказалась невольным спасителем, причем не только во времена НЭПа, но и перестройки [Килин 2018, с. 566].

Если роль частной торговли – стержень, хребет книги, то Урал – ее сердце (вторая глава). Анализируя направленность товаропотоков (транзитного, внутреннего и радиального [Килин 2018, с. 135–136]), А.П. Килин пытается оценить потенциал самообеспечения региона. Несмотря на то, что дисбаланс отраслевой структуры и в довоенный период обуславливал нехватку собственного ширпотреба [Килин 2018, с. 171], сельскохозяйственное и промышленное производство, по оценкам автора, гармонично сосуществовали, регион обеспечивал население наиболее важными товарами и успешно вывозил продукцию вовне [Килин 2018, с. 134–136]. Высокоактивный товарооборот и положительный торговый баланс давали реальную возможность обслуживать расположенные к юго-востоку слабо индустриализованные территории – от Западной Сибири, Казахстана и Туркестана до Западного Китая, Монголии и Персии, где уральская продукция считалась вполне приемлемой по качеству и более доступной, чем европейская

[Килин 2018, с. 133, 234–235]. Коллега А.П. Килина по проекту Т. Соловьева со ссылкой именно на этот раздел его монографии «примиряет» разнонаправленные векторы регионального развития (к автономии либо к интеграции): имея потенциал внутреннего роста, уральская экономика все же была зависима от внешних поставщиков и потребителей, поэтому стремление к расширению прав не означало сепаратизм [Мазур 2018, с. 195].

Государственное регулирование vs биографии индивидов

Анализ характера взаимоотношений различных укладов в период НЭПа [Килин 2018, с. 44–49] приводит к принципиальному выводу об огосударствлении как предпосылке формирования теневой экономики [Килин 2018, с. 51–53]. Частный уклад не исчез, а ушел в тень и продолжал нелегально существовать на протяжении всей жизни советской системы как ее имманентная черта. Поэтому традиции, которые принялись «возрождать» в 1990-е гг., по мысли автора, были не столько предпринимательскими, сколько криминальными, поскольку именно их генерировала советская теневая экономика [Килин 2018, с. 53].

На многовековой купеческий опыт опираться не приходится, А.П. Килин развенчивает это распространенное представление, говоря о том, что а) становление предпринимательства как самостоятельной общественной силы относится лишь ко второй половине XIX – началу XX вв.; б) отношение к этому сословию оставалось негативно-предвзятым; в) межпоколенная преемственность – слабой; и в социальной структуре купечество занимало транзитное положение между крестьянством и дворянством [Килин 2018, с. 482–491]. Становление предпринимательства автор в целом оценивает как непоследовательное, незавершенное и двойственное [Килин 2018, с. 482–483] в силу традиционного типа российского общества и беспрецедентного доминирования государства. Третьему сословию были уготованы либо полная зависимость (приводящая к патернализму и стремлению «поживиться за счет казны»), либо оппозиция государству. Что касается «торгащей», то они подвергались мощному прессингу с разных сторон: дворяне их презирали, обыватели усматривали криминал в их капиталах, да и сами торговцы разделяли представление о греховности своего богатства, откупаясь «необычайной благотворительностью» [Килин 2018, с. 492]. Подобное отношение к торговле как чему-то недостойному не является сугубо отечественной традицией [Килин 2018, с. 488–489]. Конечно, торговцы не были однородной группой, для исследователей социальной стратификации представляет интерес формирование раннесоветской 5-разрядной таксономии, когда частная торговля еще была разрешена [Килин 2018, с. 189–196], равно как и анализ социального состава и мобильности вовлеченных в торговлю людей на излете НЭПа [Килин 2018, с. 494–527].

Детально рассмотрены различные методы государственного регулирования частной торговли, которые с 1928 г. обусловили ее массовый уход в тень [Килин 2018, с. 317–357]. Вообще, четвертая глава (о регулировании частной торговли) – самая большая, это своеобразный центр тяжести книги. Изюминкой же параграфа 4.2 о госрегулировании и частно-торговых практиках, на мой взгляд, служит небольшой фрагмент, построенный на анкетах ВСНХ [Килин 2018, с. 332–336]. Как выяснилось,

в 1924 г. руководители уральских округов полагали, что они не занимаются регулированием частной торговли, поскольку понимали под таковым только прямое вмешательство с применением санкций – прекрасный сюжет для социологии знания!

Несмотря на то, что исследовательский фокус настроен на взгляд «сверху» через призму государственного регулирования, человеческое измерение здесь также задействовано. Впрячь в одну телегу коня и трепетную лань, похоже, вполне возможно, и настройки главенствующей структурно-функциональной оптики при этом не ослабевают, но биографика, безусловно, придает «трепета». Уже в первой главе говорится о том, что индивид может быть включен одновременно в несколько укладов¹⁴, что переводит исследовательское внимание на формирование жизненных стратегий и идентичностей [Килин 2018, с. 48]. В третьей главе ставится вопрос о биографиях составителей информационных сводок ОГПУ [Килин 2018, с. 382], а в четвертой на авансцену выходят фигуранты громкого дела Свердловского окружного финотдела, инспекторов которого в 1929 г. обвиняли в злонамеренном занижении взимаемых налогов. Биографические характеристики участвуют в обосновании аналитического вывода о том, что частный сектор был выгоден местным властям и фискальным органам. Оставаясь верным методологии моделирования, А.П. Килин заключает, что формирование в годы НЭПа территориально-рыночной модели региональной политики (локализация производства, многоукладность, общность интересов предприятий разных форм собственности) дало положительные результаты [Килин 2018, с. 437].

В качестве примера приведем изумительную историю о братьях Миркиных [Килин 2018, с. 444–450], ранее кратко представленную в «Вестнике архивиста» [Килин 2016]. В Свердловске 1920-х гг. Лейба и Вульф Миркины занимались оптово-розничной галантерейной торговлей. Предприятие относилось к числу крупнейших по обороту на Урале и процветало, даже когда другие закрывались [Килин 2018, с. 449]. Миркины придумали буквенный код («Будем жить», где буквы означали цифры по порядку), с помощью которого указывали для себя на товарах их себестоимость, а отпускную цену назначали в диалоге с покупателем, такая бесконтрольная наценка дала почву обвинению в сокрытии оборота и прибыли. А.П. Килин замечает, что эта кодовая фраза в условиях Свердловска 1929 г. была слишком оптимистичной и, помимо утилитарной функции, могла служить мотивирующим девизом [Килин 2018, с. 448].

Обращение к биографиям происходит и при анализе лишения/восстановления избирательных прав из-за занятия частной торговлей. В личных делах «лишенцев» особо выделены их заявления и автобиографии как наиболее личностно окрашенные и посему информативные [Килин 2018, с. 538–559]. В контексте биографического метода интересно сопоставить авторскую схему трех линий в автобиографиях «лишенцев» (исторической, личностной, сюжетной [Килин 2018, с. 543–545]) с тремя слоями биографического повествования по В.Б. Голофасту [Голофаст 2006, с. 1995].

¹⁴ А.П. Килин говорит о множественной принадлежности индивида со ссылкой на доктора экономики Т.Е. Кузнецову, однако более общим теоретическим обоснованием может служить понимание классов в концепции социального поля П. Бурдьё, емко представленным у В.И. Ильина. В отличие от субстанциалистской традиции, где человек всегда остается представителем своего класса, в логике П. Бурдьё (структуралистско-конструктивистской), «индивид следует логике классового поля, лишь находясь в нем» и может дрейфовать между полями, строить свою жизненную стратегию, ориентируясь на другой класс [Ильин 2000, с. 2015].

Стиль. Визуалистика

Книга написана ровным академическим слогом, бескомпромиссно строги названия глав и параграфов, а вот подзаголовки дают волю воображению:

- «Больше укладов – хороших и разных?» – подпункт дает представление о многообразии типологий укладов, от Ленина до современных исследователей [Килин 2018, с. 40–44];
- «В чем сила, брат?» – полемизирует с точкой зрения о том, что разобщенность укладов ослабляла многоукладную экономику [Килин 2018, с. 54–55];
- «Мы люди не местные...» – дает пример конфликта пришлых и местных рабочих [Килин 2018, с. 370–371] при смычке города и деревни и пролетаризации как инструмента интеграции аграрного (сельского) и индустриального (городского) укладов;
- «Торгуем всем!» – словно лозунг или эпитафия к параграфу 2.5 о товарной специализации и номенклатуре частника и т. д.

Короткие хлесткие формулировки полны аллюзий; скажем, «В чем сила, брат?», конечно же, посредством легендарного фильма А. Балабанова лишней раз напоминает о 1990-х. Вкупе с щедро расположенными по всему тому иллюстрациями, таблицами и схемами они придают ритм и динамику, помогая движению 600-страничного текста, в ином случае рискующего забуксовать в самом начале на бесконечном перебирании определений и громоздких цитат из научной литературы. А вот выдержки из архивных документов не производят впечатления нагромождения, напротив, генерируют колорит (некоторых сторон) эпохи в Алапаевске, Златоусте, Надеждинске, других старопромышленных городах и сельскохозяйственных районах Урала. Эти фрагменты поданы настолько искусно, что, признаюсь, хочется тут же отправиться в архивы знакомиться с ними вплотную. Полагаю, стоит приветствовать и такие отступления от сугубого академизма, как замечание о сводках ОГПУ: по выражению А.П. Килина, они напоминают летописи, вот только составляли их в раннесоветском обществе уже не монахи, а «представители правоохранительных органов, взявшие на себя функцию блюстителей “чистоты веры”» [Килин 2018, с. 381].

Книга богато иллюстрирована (перечень составил бы, наверное, с дюжину страниц). Первая картинка встречает нас уже во «Введении» [Килин 2018, с. 10], это фото Л.М. Сурина, 1927 г., из фондов ГАСО¹⁵ – «Единоличник (частный торговец) на хлебном рынке Свердловска», где мужик с заиндевевшей бородой, в тулупе накрепко затягивает веревку на мешке. Фотографии этой серии хорошо известны, другие – менее, а какие-то, вероятно, публикуются впервые. Качество воспроизведения на бумаге не всегда позволяет увидеть, что иные из снимков – подлинные шедевры. В электронном варианте видно лучше и можно оценить пятна солнечного света на пальто покупательниц мороженого на переднем плане, пристальные взгляды не поддавшихся режиссуре мальчишек на заднем, вообще игру планов на снимке в свердловском парке 1927 г. [Килин 2018, с. 207].

В пятой главе материалы журнала «Крокодил» и сатирические открытки 1920-х гг. задействованы в обсуждении социальных типажей НЭПа

¹⁵ ГАСО – Государственный архив Свердловской области.

[Килин 2018, с. 495–507]. Остальной массив изображений просто сопровождает рассуждения автора в качестве иллюстраций (скажем, в разделе о ярмарочной торговле даны фотографии Всеуральской ярмарки в Свердловске 1928 г. [Килин 2018, с. 158, 159, 161]). Представленные комплексно, они дают читателю возможность самостоятельно поработать с визуальным рядом. В то же время трудно избавиться от ощущения, что документы публикуются без комментариев и источниковедческого описания. Здесь мы попадаем в тиски извечной дилеммы о балансировании объема и содержания, с которой, возможно, помогла бы справиться нумерация изображений с отсылками в тексте.

Заключение

Благодаря историкам социологические теории вводятся в широкий оборот, но подчас берутся скорее в общих, упрощенных чертах, нежели глубоко и критически-рефлексивно, впрочем, развивать социологические теории не входит в задачи историков. Вместе с тем производимая ими работа (эмпирика и подступы к теории) создает благодатную почву для дальнейшей деятельности социологов.

Подобно тому, как «Монтайю, окситанская деревня» далеко перешагнула границы аграрной истории, что бы там ни говорил Ле Руа Ладюри о том, что он просто перегруппировал материалы дознания Жака Фурнье [*Ле Руа Ладюри* 2001, с. 14], книга А.П. Килина также выходит за пределы экономической или социальной истории. Не в малой степени это происходит благодаря богатому потенциалу для применения теории социального конструирования, обращение с которой послужило тизером для написания этой статьи.

Литература

- Аксютин Ю. (2004) Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг. М.: РОССПЭН.
- Арнасон И. (2011) Коммунизм и модерн // Социологический журнал. № 1. С. 10–35.
- Арнасон И. (2013) Советская модель как форма глобализации // Неприкосновенный запас. № 4(90). С. 53–76.
- Бергер П., Лукман Т. (1995) Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Academia-Центр, МЕДИУМ.
- Веселкова Н.В. (2016) «Целый край с людьми, природой и всеми богатствами...» // Социологическое обозрение. Т. 15. № 1. С. 141–155.
- Винниченко И.Г., Днепровская А.А., Рыженко В.Г. (2011) Изменения в социокультурном облике и повседневной жизни советской женщины-горожанки в период «оттепели» // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 7(13). В 3 ч. Ч. 2. С. 46–50.
- Герасимова О.Г. (2015) «Оттепель», «заморозки» и студенты Московского университета. М.: АИРО-XXI.
- Гирко Л.В. (1998) Парадоксы модернизации и потенциал модели социального государства (Сводный реферат) // Социальные и гуманитарные науки: Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология. № 4. С. 43–67.

- Голофаст В.Б. (1995) Многообразие биографических повествований // Социологический журнал. № 1. С. 71–88.
- Голофаст В.Б. (2006) Три слоя биографического повествования // Голофаст В.Б. Социология семьи. Статьи разных лет. СПб.: Алетейя. С. 407–410.
- Горбачев О.В. (2016) Теории конструирования социальной реальности в XX веке и советский проект // 1917 год в России: социалистическая идея, революционная мифология и практика. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. С. 29–49.
- Грушин Б.А. (2001) Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина. В 4 кн. Кн. 1. Жизнь 1-я. Эпоха. М.: Прогресс-Традиция.
- Дриленко В.В. (2010) Молодежь Хабаровского края и власть в период «оттепели» 1953–1964 гг. // Теория и практика общественного развития. № 3. С. 210–215.
- Зубкова Е. (2000) Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М.: РОССПЭН.
- Ильин В.И. (2000) Социальное неравенство. М.: ИС РАН.
- Килин А.П. (2016) «Будем жить!». Из практики борьбы с частной торговлей на Урале в годы НЭПа // Вестник архивиста. № 3. С. 185–199.
- Килин А.П. (2017) Новая экономическая политика как модель управления: проблема интерпретации // Мазур Л.Н. (ред.) Эпоха социалистической реконструкции: идеи, мифы и программы социальных преобразований. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. С. 222–232.
- Килин А.П. (2018) Частная торговля и кредит на Урале в годы НЭПа: экономические, политические и социальные аспекты: Монография. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та.
- Кобылин И.И. (2016) История и топология: падение и взлет анахронизма // Социология власти. Т. 28. № 2. С. 15–34.
- Кордонский С.Г., Плюссин Ю.М. (2018) Архаические экономические институты: распределенные мануфактуры в малых городах России // Мир России. Т. 27. № 4. С. 6–30. DOI: 10.17323/1811-038X-2018-27-4-6-3
- Круглова Т.А. (2017) Сталинская модернизация в контексте постимперской культурной ситуации // Вестник Гуманитарного университета. № 2(17). С. 90–99.
- Лебина Н. (2014) Черно-белая красная свадьба // Теория моды: одежда, тело, культура. Выпуск 3. С. 213–232.
- Лебина Н.Б. (2019) Пассажиры колбасного поезда: этюды к картине быта российского рода: 1917–1991. М.: НЛО.
- Ле Руа Ладюри Э. (2001) Монтайю, окситанская деревня (1294–1324). Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та.
- Лоо Г. ван дер, Райен В. ван (2002) Модернизация. Проект и парадокс // Ab Imperio. № 1. С. 33–64.
- Мазур Л.Н. (2016) Раннесоветское общество как социальный проект: методологические подходы к изучению истории России в 1917–1936 годах // 1917 год в России: социалистическая идея, революционная мифология и практика. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. С. 7–28.
- Мазур Л.Н. (ред.) (2018) Раннесоветское общество как социальный проект, 1917–1930-е гг. В 2 ч. Ч. 1. Страна Советов: пространство, власть, экономика. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та.
- Масловский М.В. (2011) Анализ советской версии модерна в исторической социологии Йохана Арнасона // Социологический журнал. № 1. С. 5–9.
- Масловский М.В. (2014) Историческая социология Й. Арнасона: взгляд на российскую историю в контексте межцивилизационного взаимодействия // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. №. 4. С. 280–289.
- Мельникова Н.В. (2006) Феномен закрытого атомного города. Екатеринбург: Банк культурной информации.
- Миронов Б.Н. (2004) Социология и историческая социология: взгляд историка // Социологические исследования. №. 10. С. 55–62.
- Нарский И.В. (2001) Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М.: РОССПЭН.

- Нарский И.В. (2008) Фотокарточка на память: Семейные истории, фотографические послания и советское детство. Челябинск: Энциклопедия.
- Нарский И.В. (2017) «Семилетняя война» и «ускоренные перемены» в городах Урала (1914–1921/22) // Миллер А., Черный А. (ред.) Города империи в годы Великой войны и революции. СПб., М.: Нестор-История. С. 79–99.
- Олейников А. (2016) Политика времени (Слово редактора-составителя) // Социология власти. Т. 28. №. 2. С. 8–14.
- Олейников А.А. (1) (2018) Анахронизм и границы истории // Шаги-Steps. Т. 4. №. 3. С. 9–25.
- Олейников А. (2) (2018) Историк против историзма: случай Константина Фазолта // Новое литературное обозрение. № 2. С. 312–319.
- Орлов И.Б. (2010) Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М.: ВШЭ.
- Романовский Н.В. (1998) Историческая социология: опыт ретроспективного анализа // Социологические исследования. №. 5. С. 7–14.
- Романовский Н.В. (2000) Историческая социология в структуре социологического знания // Социологические исследования. № 6. С. 10–19.
- Романовский Н.В. (2009) Историческая социология. Монография. М.: Канон+.
- Романовский Н.В. (2018) Историческая социология в России: плоды и тревоги // Социологические исследования. №. 6. С. 79–90.
- Социологическое обозрение (2019). Тематический номер «Актуализируя классика: Макс Вебер в XXI веке. Т. 18. № 2.
- Ципурский Г. (2013) «Комсомолу приходится объявить беспощадную и решительную войну против всех типов стилига». Политика в отношении «вестернизированной» молодежи в Советском Союзе при Н.С. Хрущеве // Новейшая история России. № 3. С. 55–83.
- Черных А.И. (1997) Историческая социология: становление социальных институтов Советской России. Дис. ... д. социол. наук.
- Яницкий О.Н. (2009) Историческая социология: поиск истины (о книге Н.В. Романовского «Историческая социология») // Социологические исследования. №. 6. С. 142–147.
- Dukes P. (2015) A History of the Urals: Russia's Crucible from Early Empire to the Post-soviet Era, London: Bloomsbury.
- Gehrke C., Pietrow-Ennker B. (eds.) (2006) Städte im östlichen Europa. Zur Problematik von Modernisierung und Raum vom Spätmittelalter bis zum 20 Jahrhundert, Zürich: Chronos.

Sociologists Read Historians, Historians Read Sociologists

Book Review: Kilin A.P. (2018) Private Trade and Credit in the Urals during NEP: Economic, Political and Social Aspects, Ekaterinburg: Ural Federal University (in Russian).

N. VESELKOVA*

***Natalia Veselkova** – PhD in Sociology, Assistant Professor, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin. Address: 19, Mira St., Ekaterinburg, 620002, Russian Federation. E-mail: vesselkova@yandex.ru

Citation: Veselkova N. (2021) Sociologists Read Historians, Historians Read Sociologists. *Mir Rossii*, vol. 30, no 1, pp. 173–188 (in Russian). DOI: 10.17323/1811-038X-2021-30-1-173-188

Abstract

There are several distinct ways in which historians and sociologists read each other and use what they read in their own work—ranging from the one which claims to be a fundamental integration of historical sociology to the use of sociological theories and empirical data by historians. Along with the enrichment of the conceptual and empirical apparatus and other potentially useful effects, such intersections are also associated with certain difficulties.

The proposed (micro) typology serves as a context for reflection on the book by the historian Alexei Kilin (2018) “Private Trade and Credit in the Urals during NEP: Economic, Political, and Social Aspects”. The fundamental and deeply grounded statement by the author regarding NEP as a management model is based on modeling theory. The appeal to the theory of the social construction of reality does not look so convincing, but it pushes the comprehension of the NEP era in a certain direction.

Keywords: historical sociology, social construction of reality, Urals, new economic policy, biographical method, visuality

References

- Aksyutin Yu. (2004) *Khrushchevskaya ‘ottepel’ i obshchestvennye nastroyeniya v SSSR v 1953–1964 gg.* [Khrushchev’s Thaw and Public Sentiments in the USSR in 1953–1964], Moscow: ROSSPEN.
- Arnason J. (2011) Kommunizm i modern [Communism and Modernism]. *Sotsiologicheskij zhurnal*, no 1, pp. 10–35.
- Arnason J. (2013) Sovetskaya model’ kak forma globalizatsii [The Soviet Model as a Mode of Globalization]. *Neprikosnovennyj zapas*, no 4(90), pp. 53–76.
- Berger P., Luckmann T. (1995) *Sotsial’noe konstruirovaniye real’nosti. Traktat po sotsiologii znaniya* [The Social Construction of Reality. A Treatise on Sociology of Knowledge], Moscow: Academia-Tsentr, MEDIUM.
- Chernykh A.I. (1997) *Istoricheskaya sotsiologiya: stanovlenie sotsial’nykh institutov sovetskoy Rossii* [Historical Sociology: the Formation of Social Institutions in Soviet Russia]. DSc Dissertation in Sociology.
- Drilenko V.V. (2010) Molodezh’ Khabarovskogo kraia i vlast’ v period «ottepeli» 1953–1964 gg. [Youth of Khabarovsk Region and Power during the “Thaw” of 1953–1964]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, no 3, pp. 210–215.
- Dukes P. (2015) *A History of the Urals: Russia’s Crucible from Early Empire to the Post-soviet Era*, London: Bloomsbury.
- Gerasimova O.G. (2015) «Ottepel’», «zamorozki» i studenty moskovskogo universiteta [“Thaw”, “Freeze” and the Students of the Moscow University], Moscow: AIRO-XXI.
- Girko L.V. (1998) Paradoxy modernizatsii i potentsial modeli sotsial’nogo gosudarstva [The Paradoxes of Modernization and the Potential of the Model of the Social State]. *Social and Human Sciences: Russian and Foreign Literature*, no 4, pp. 43–67.
- Goehrke C., Pietrow-Ennker B. (eds.) (2006) *Städte im östlichen Europa. Zur Problematik von Modernisierung und Raum vom Spätmittelalter bis zum 20 Jahrhundert*, Zürich: Chronos.
- Golofast V.B. (1995) Mnogoobrazie biograficheskikh povestvovaniy [The Diversity of Biographical Narratives]. *Sotsiologicheskij zhurnal*, no 1, pp. 71–88.

- Golofast V.B. (2006) Tri sloya biograficheskogo povestvovaniya [Three Layers of Biographical Narration]. *Golofast V.B. Sotsiologiya sem'i. Stat'i raznykh let* [Sociology of the Family. Articles from Different Years], Saint-Petersburg: Aleteya, pp. 407–410.
- Gorbachev O.V. (2016) Teorii konstruirovaniya sotsial'noj real'nosti v XX veke i sovetskij proekt [Theories of the Social Construction of Reality in the Twentieth Century and the Soviet Project]. *1917 god v Rossii: sotsialisticheskaya ideya, revolyutsionnaya mifologiya i praktiki* [1917 in Russia: The Socialist Idea and Revolutionary Mythology and Practice], Ekaterinburg: Ural University Publ., pp. 29–49.
- Grushin B.A. (2001) *Chetyre zhizni Rossii v zerkale oprosov obshchestvennogo mneniya. Ocherki massovogo soznaniya rossiiyan vremen Khrushcheva, Brezhneva, Gorbacheva i Yel'tsina. V 4-kh knigakh. Zhizn' 1-ya. Epokha Khrushcheva* [Four Lives of Russia in the Mirror of Public Opinion Polls. Sketches of the Mass Consciousness of Russians during the Times of Khrushchev, Brezhnev, Gorbachev and Yeltsin. In 4 books. The 1st Life. Khrushchev Era], Moscow: Progress-Traditsiya.
- Il'in V.I. (2000) *Sotsial'noe neravenstvo* [Social Inequality], Moscow: IS RAN.
- Kilin A.P. (2016) «Budem zhit'!». Iz praktiki bor'by s chastnoj trgovlej na Urale v gody nepa [“We Shall Live”: From Experience of Fighting Private Trade in the Urals in the Days of the New Economic Policy]. *Vestnik arkhivista*, no 3, pp. 185–199.
- Kilin A.P. (2017) Novaya ekonomicheskaya politika kak model' upravleniya: problema interpretatsii [New Economic Policy as a Management Model: Problem of Interpretation]. *Epokha sotsialisticheskoy rekonstruktsii: Idei, mify i programmy sotsial'nykh preobrazovanij* [The Era of Socialist Reconstruction: Ideas, Myths and Programs of Social Transformation] (ed. Mazur L.N.), Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, pp. 222–232.
- Kilin A.P. (2018) *Chastnaya trgovlya i kredit na Urale v gody nepa: ekonomicheskie, politicheskie i sotsial'nye aspekty* [Private Trade and Credit in the Urals during NEP: Economic, Political and Social Aspects], Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta.
- Kobylin I.I. (2016) Istoriya i topologiya: Padeniye i vzlet anachronizma [History and Topology: The Fall and Rise of Anachronism]. *Sotsiologiya vlasti*, vol. 28, no 2, pp. 15–34.
- Kordonsky S., Plusnin J. (2018) Archaic Economic Institutions: “Scattered Manufactories” in Russian Towns. *Mir Rossii*, vol. 27, no 4, pp. 6–30. DOI: 10.17323/1811-038X-2018-27-4-6-30
- Kruglova T.A. (2017) Stalin's Modernization in the Context of the Post-Imperial Cultural Situation. *Vestnik Gumanitarnogo universiteta*, no 2(17), pp. 90–99.
- Lebina N. (2014) Cherno-belaya krasnaya svad'ba [Black-White Red Wedding]. *Teoriya mody: odezhd, telo, kul'tura*, no 3, pp. 213–232.
- Lebina N.B. (2019) *Passazhiry kolbasnogo poyezda: etyudy k kartine byta rossijskogo goroda: 1917–1991* [Passengers of a Sausage Train: Sketches for a Picture of Life of a Russian City: 1917–1991], Moscow: NLO.
- Le Rua Ladyuri E. (2001) *Montaillou, oksitanskaya derevnya (1294–1324)* [Montaillou: An Occitan-speaking Village from 1294 to 1324], Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta.
- Loo H. van der, Reijen W. van (2002) Modernizatsiya. Proekt i paradoks [Modernization. Project and Paradox]. *Ab Imperio*, no 1, pp. 33–64.
- Maslovskiy M.V. (2011) Analiz sovetskoy versii moderna v istoricheskoy sotsiologii Jokhana Arnasona [The Analysis of the Soviet Version of Modernity in Historical Sociology of Johann Arnason]. *Sotsiologicheskij zhurnal*, no 1, pp. 5–9.
- Maslovskiy M.V. (2014) Istorieskaya sotsiologiya Y. Arnasona: Vzglyad na rossijskuyu istoriyu v kontekste mezhtsivilizatsionnogo vzaimodeystviya [Historical Sociology of J. Arnason: A Look at Russian History in the Context of Inter-Civilizational Interaction]. *METHOD*, no 4, pp. 280–289.
- Mazur L.N. (2016) Rannesovetkoe obshchestvo kak sotsial'nyj proekt: Metodologicheskie podkhody k izucheniyu istorii Rossii v 1917–1936 godakh [Early Soviet Society as a Social Project: Methodological Approaches to Studying the History of Russia in 1917–1936]. *1917 god v Rossii: sotsialisticheskaya ideya, revolyutsionnaya mifologiya i praktiki: sbornik nauchnykh trudov* [1917 in Russia: The Socialist Idea and Revolutionary Mythology and Practice], Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, pp. 7–28.
- Mazur L.N. (ed.) (2018) *Rannesovetskoe obshchestvo kak sotsial'nyj proekt, 1917–1930-e gg. V 2-kh ch. Ch. 1. Strana Sovetov: prostranstvo, vlast', ekonomika* [Early Soviet Society

- as a Social Project, 1917–1930. In 2 parts. Part 1. Soviet State: Territory, Power, and Economy], Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta.
- Mel'nikova N.V. (2006) *Fenomen zakrytogo atomnogo goroda* [The Phenomenon of a Closed Nuclear City], Ekaterinburg: Bank kul'turnoj informatsii.
- Mironov B.N. (2004) Sotsiologiya i istoricheskaya sotsiologiya: vzglyad istorika [Sociology and Historical Sociology: An Historian's View]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no 10, pp. 55–62.
- Narskiy I.V. (2001) *Zhizn' v katastrofe. budni naseleniya Urala v 1917–1922 gg.* [Life in a Catastrophe: Everyday Life of the Urals in 1917–1922], Moscow: ROSSPEN.
- Narskiy I.V. (2008) *Fotokartochka na pamyat': Semejnye istorii, fotograficheskie poslaniya i sovetskoe detstvo* [A Photograph as a Keepsake: Modern Stories, Photographic Messages and Soviet Childhood], Chelyabinsk: Entsiklopediya.
- Narskiy I.V. (2017) «Semiletnyaya vojna» i «uskorennyye peremeny» v gorodakh Urala (1914–1921/22) [“The Seven Years War” and “Accelerated Change” in the Ural Cities (1914–1921/22)]. *Goroda imperii v gody Velikoj vojny i revolyutsii* [Cities of the Empire during the Great War and Revolution] (eds. Miller A., Chernyj A.), Saint-Petersburg: Nestor-Istoriya, pp. 79–99.
- Oleynikov A.A. (2016) Politika vremeni (Slovo redaktora-sostavitelya) [Politics of Time (Invited Editor's Foreword)] *Sotsiologiya vlasti*, vol. 28, no 2, pp. 8–14.
- Oleynikov A.A. (1) (2018) Anakhronizm i granitsy istorii [Anachronism and the Limits of History]. *Steps*, vol. 4, no 3, pp. 9–25.
- Oleynikov A.A. (2) (2018) Istoriik protiv istorizma: Sluchaj Konstantina Fazolta [Historian against Historicism: The Case of Konstantin Fasolt]. *Novoe Literaturnoe Obozrenie*, no 2, pp. 312–319.
- Orlov I.B. (2010) *Sovetskaya povsednevnost': Istoricheskij i sotsiologicheskij aspekty stanovleniya* [Soviet Everyday Life: Historical and Sociological Aspects of Formation], Moscow: HSE.
- Romanovskiy N.V. (1998) Istoriicheskaya sotsiologiya: Opyt retrospektivnogo analiza [Historical Sociology: The Experience of Retrospective Analysis]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no 5, pp. 7–14.
- Romanovskiy N.V. (2000) Istoriicheskaya sotsiologiya v strukture sotsiologicheskogo znaniya [Historical Sociology in the Structure of Sociological Knowledge]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no 6, pp. 10–19.
- Romanovskiy N.V. (2009) *Istoriicheskaya sotsiologiya* [Historical Sociology], Moscow: Kanon+.
- Romanovskiy N.V. (2018) Istoriicheskaya sotsiologiya v Rossii: Plody i trevogi [Our Historical Sociology: Fruits and Worries]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no 6, pp. 79–90.
- Sotsiologicheskoe Obozrenie* [Sociological Review] (2019). Special Issue “The Contemporary Relevance of a Classic: Max Weber in the 21st Century”, vol. 18, no 2.
- Tsipursky G. (2013) «Komsomolu prikhoditsya ob'yavit' besposhchadnyu i reshitel'nyu vojnu protiv vseh tipov stilyag». Politika v otnoshenii «vesternizirovannoj» molodezhi v Sovetskom Soyuze pri N.S. Khrushcheve [“The Komsomol Needs to Announce a Merciless and Decisive War to All Kinds of ‘Stiliagi’”. Managing Westernized Youth in the Soviet Union under Khrushchev]. *Novejshaya istoriya Rossii*, no 3, pp. 55–83.
- Veselkova N. (2016) «Tselyi kraj s lyud'mi, prirodoy i vsemi bogatstvami...» [“The Whole Region with People, Nature and All the Riches...”]. *Sotsiologicheskoe obozreniye*, vol. 15, no 1, pp. 141–155. DOI: 10.17323/1728-192X-2016-1-141-155
- Vinichenko I.V., Dneprovskaya A.A., Ryzhenko V.G. (2011) Izmenenie v sotsiokul'turnom oblike i povsednevnoj zhizni sovetskoj zhenshchiny-gorozhanki v period «ottepeli» [Changes in the Sociocultural Look and Everyday Life of a Soviet Townswoman during the “Thaw”]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, no 7(13), pp. 46–50.
- Yanitskiy O.N. (2009) Istoriicheskaya sotsiologiya: Poisk istiny (o knige N.V. Romanovskogo «Istoriicheskaya Sotsiologiya») [Historical Sociology: the Search for Truth (On the Book of N.V. Romanovsky “Historical Sociology”)]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no 6, pp. 142–147.
- Zubkova E.Yu. (1999) *Poslevoennoe sovetskoe obshchestvo: politika i povsednevnost'. 1945–1953* [The Post-War Soviet Society: Politics and Everyday Life. 1945–1953], Moscow: ROSSPEN.